

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ (ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ)

Екатерина Александровна Хонинева

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
ekhonlineva@eu.spb.ru

Александра Константиновна Касаткина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
16 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
alexkasatkina@gmail.com

А н н о т а ц и я : В статье анализируются результаты форума «Лингвистическая антропология», посвященного современному состоянию исследований языка и культуры в России. Очевидно, что трансфер междисциплинарной области под названием «лингвистическая антропология» в российскую науку и образование уже происходит. При этом, как показывает дискуссия, российская версия этого направления организуется вокруг нескольких центров притяжения: западная литература о языке и культуре и языке и политике, теория и методы лингвистики, социолингвистики, конверсационного анализа и анализа дискурса и отечественная школа этнолингвистики. Интригующая методологическая проблема на стыке антропологии и лингвистики — работа с невысказанным, двусмысленным и ироничным. Участники дискуссии задают критические вопросы и к основаниям, на которых исследователь опознает лакуны и двусмысленности, и к задачам его собеседников, когда они указывают на невыразимость тех или иных смыслов. Размышляя об аналитическом потенциале метафоры перевода (еще одно место встречи языка и культуры), участники «Форума» говорят о ее политической подоплеке: перевод способен как установить отношения иерархии, так и создать условия для сотрудничества. Дискуссия показала, что перевод американской лингвистической антропологии в российские академические реалии может способствовать диалогу как между дисциплинами, так и между исследователями из разных стран. Союз антропологии и лингвистики предлагает инструменты, востребованные не только среди антропологов и этнографов, но и среди историков, социологов и других исследователей, которые стремятся понять социальную действительность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвистическая антропология, этнолингвистика, история науки, ирония, перевод, языковые идеологии, язык и культура.

Д л я с с ы л о к : Хонинева Е., Касаткина А. Лингвистическая антропология в русском переводе (послесловие к дискуссии) // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 190–206.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-190-206

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/khonlineva_kasatkina.pdf

LINGUISTIC ANTHROPOLOGY IN RUSSIAN TRANSLATION (AFTERWORD TO THE DISCUSSION)

Ekaterina Khonlineva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
ekhonlineva@eu.spb.ru

Alexandra Kasatkina

National Research University “Higher School of Economics”
16 Soyuz Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
alexkasatkina@gmail.com

Abstract: The article presents the results of the Forum “Linguistic Anthropology”, dedicated to the current state of language and culture studies in Russia. It is obvious that the transfer of an interdisciplinary field called “Linguistic Anthropology” to Russian science and education is already underway. At the same time, as the discussion shows, a Russian version of this area is organized around several points of attraction: Western literature on language and culture and

language and politics, the theory and methods of linguistics, sociolinguistics, conversational analysis and discourse analysis, and the Russian school of ethnolinguistics. An intriguing methodological problem at the intersection of anthropology and linguistics is dealing with the unspoken, the ambiguous and the ironic. The participants in the discussion ask critical questions both of the grounds on which the researcher recognizes gaps and ambiguities, and of the goals of her interlocutors when they indicate that certain meanings cannot be expressed. Reflecting on the analytical potential of the metaphor of translation (another point where language and culture meet), the Forum participants talk about its political underpinnings: translation can both establish hierarchical relationships and create a space for cooperation. The discussion showed that the translation of American linguistic anthropology into Russian academic reality can create a space for dialogue both between disciplines and between researchers from different countries. The union of anthropology and linguistics offers relevant tools that are in demand not only among anthropologists and ethnographers, but also among historians, sociologists and other researchers who seek to understand social reality.

Keywords: linguistic anthropology, ethnolinguistics, history of science, irony, translation, language and culture, language ideologies.

To cite: Khonineva E., Kasatkina A., 'Lingvisticheskaya antropologiya v russkom perevode (posleslovie k diskussii)' [Linguistic Anthropology in Russian Translation (Afterword to the discussion)], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 58, pp. 190–206.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-190-206

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/058/khonineva_kasatkina.pdf

Екатерина Хонинева, Александра Касаткина

Лингвистическая антропология в русском переводе (послесловие к дискуссии)

В статье анализируются результаты форума «Лингвистическая антропология», посвященного современному состоянию исследований языка и культуры в России. Очевидно, что трансфер междисциплинарной области под названием «лингвистическая антропология» в российскую науку и образование уже происходит. При этом, как показывает дискуссия, российская версия этого направления организуется вокруг нескольких центров притяжения: западная литература о языке и культуре и языке и политике, теория и методы лингвистики, социолингвистики, конверсационного анализа и анализа дискурса и отечественная школа этнолингвистики. Интригующая методологическая проблема на стыке антропологии и лингвистики — работа с невысказанным, двусмысленным и ироничным. Участники дискуссии задают критические вопросы и к основаниям, на которых исследователь опознает лакуны и двусмысленности, и к задачам его собеседников, когда они указывают на невыразимость тех или иных смыслов. Размышляя об аналитическом потенциале метафоры перевода (еще одно место встречи языка и культуры), участники «Форума» говорят о ее политической подоплеке: перевод способен как установить отношения иерархии, так и создать условия для сотрудничества. Дискуссия показала, что перевод американской лингвистической антропологии в российские академические реалии может способствовать диалогу как между дисциплинами, так и между исследователями из разных стран. Союз антропологии и лингвистики предлагает инструменты, востребованные не только среди антропологов и этнографов, но и среди историков, социологов и других исследователей, которые стремятся понять социальную действительность.

Ключевые слова: лингвистическая антропология, этнолингвистика, история науки, ирония, перевод, языковые идеологии, язык и культура.

Екатерина Александровна Хонинева

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ekhonineva@eu.spb.ru

Александра Константиновна Касаткина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
alexkasatkina@gmail.com

Выбор американского ярлыка «лингвистическая антропология» в качестве названия для этого «Форума» может выглядеть провокативным жестом. И на него последовала реакция: увидев наши вопросы, один русскоязычный коллега, давно работающий на Западе, (отчасти) справедливо заметил, что, вместо того чтобы навязывать российской науке западные академические категории и ставить всем в пример «больших белых братьев», нам стоило бы говорить о проблеме интеллектуальной самостоятельности и деколонизации нашей науки и вспомнить собственные богатые традиции изучения языка и культуры. Мы далеки от того, чтобы кому-то что-то навязывать — в этом опросе нас интересовал именно современный российский ландшафт подобных исследований. Решив дать «Форуму» такое название, а не, скажем, «Язык и культура», мы исходили из своего ощущения, что в современном использовании сочетание «лингвистическая антропология» имеет предельно широкое значение, в сердце которого — культурная обусловленность коммуникации. В то же

время это название достаточно специфично и четко указывает на дисциплины, подходы которых предлагается объединить: антропологию и лингвистику. Когда мы составляли вопросы, нам хотелось узнать, во-первых, в каких отношениях сейчас находятся эти дисциплины в России, во-вторых, как российские исследователи решают конкретные проблемы на стыке дисциплин (мы выбрали «невыразимое» («невывыказанное») и перевод), в-третьих, как сегодня представлены западные и российские теоретические школы в этом дисциплинарном пограничье, и в-четвертых, каким может быть будущее исследований языка и культуры в нашей стране. Мы чрезвычайно признательны авторам реплик за отклик. Их вклад существенно дополнил и местами коренным образом поменял наши прежние представления.

Из ответов можно заметить, что фольклористы, этнолингвисты, антропологи, лингвисты — все как будто хорошо себя чувствуют в своих дисциплинарных ячейках (об исключениях — ниже), и потребности в дополнительных или альтернативных названиях нет. Нужен ли нам в самом деле ярлык «лингвистическая антропология»?

Приглашая российских коллег соотнести себя с западной категориальной сеткой, мы имплицитно предлагаем сравнить академические традиции, подумать о причинах и следствиях различий, поискать возможности диалога. Мы полагаем, что отказываться от сближения с западной академической традицией и концентрироваться только на «родных осинах» — жест не менее, а возможно, и более проблематичный. Главное, что обе перспективы — и западная наука, претендующая на глобальный и универсальный статус, и локальные научные традиции (каких много и на условном Западе!) — имеют право на существование и каждая по-своему продуктивна.

Очевидно, что трансфер лингвистической антропологии в российскую науку уже происходит. Как минимум в нескольких ведущих университетах (СПбГУ, НИУ ВШЭ, ЕУСПб) читаются курсы с таким названием, появились научные журналы, которые поднимают на флаг объединение антропологии и лингвистики («Томский журнал лингвистических и антропологических исследований»; «Лингвистика и антропология» (Иркутск)). «Форум» показал, что российские авторы, работающие с языком и культурой, хорошо ориентируются в западной лингвистической антропологии (и социолингвистике): многие упомянули имена и идеи Алессандро Дуранти и Пенелопы Экерт, а также в той или иной форме сослались на языковые и семиотические идеологии Майкла Силверстина и Вебба Кина. (Не связана ли эта популярность с сильными структурно-семиотическими

линиями в родословной российской социальной антропологии?) В 2018 г. в ИЛИ РАН была создана Лаборатория антропологической лингвистики, которая стремится объединить всех, кто, по выражению Е.В. Головки, ее основателя и руководителя, ставит задачей «извлечь культурный смысл из того, что и как сказано в процессе взаимодействия». Среди ее сотрудников не только антропологи, но и социолингвисты, а также этнолингвисты. И это неудивительно, ведь при переносе идей и категорий на другую культурную почву неизбежно рождение гибридов. Вот и наш «Форум» в первом приближении представляет картину лингвистической антропологии в российской версии.

1

Полученная палитра подходов и мнений во многом определяется списком рассылки вопросов (хотя небольшая часть реплик пришла «самотеком»). Радостно увидеть разнообразие интереснейших исследовательских случаев, в которых авторы обнаружили место встречи языка и культуры. Это классические социолингвистические сюжеты: бытование миноритарных языков, языковая политика и идентичность (Ленора Гренобль, Лаура Сирагуза, Марина Мартынова), а также, в микросоциолингвистическом ключе, русские феминитивы и диминутивы (Ирина Фуфаева). Это фольклористика: фольклор как речевое событие (Светлана Адоньева), фольклорная несказочная проза (Светлана Королёва) и, уже, рассказы о сновидениях (Анна Лазарева). Этнография традиционной культуры: рассказы о ритуальных практиках и практики речевого табуирования (Александра Дугушина), новые формы социальности в албанской деревне (Александр Новик). Этнолингвистические реконструкции коллективного образа действительности («картины мира») на материале устной речи сельской глубинки (Светлана Толстая). И самые разнообразные антропологические сюжеты: языковые идеологии в осетинских и русских традиционалистских проектах (Сергей Штырков), дискурсы антиэйджистских сообществ в социальных сетях (Ирина Прус), постперестроечные повседневные разговоры как площадка осмысления опыта социальных трансформаций (Нэнси Рис) и различия в интервьюировании вьетнамских и индонезийских фермеров (Алишер Шарипов), недосказанное и недоступное пониманию в затрудненной речи людей с «особенностями коммуникативного участия» (Анна Алтухова) и даже взаимодействие с российской государственной бюрократией (Никита Шевченко). К антропологическим примыкают историческое исследование дискурсивного сообщества советских молодежных журналов (Роман Петров) и социологическая работа с дискурсами российских городских активистов (Полина Улановская, Ксения Полесская).

Как замечает Нэнси Рис, «язык, речь, разговор, нарратив и другие результаты языковой деятельности занимают абсолютно

центральное место в нашей этнографической работе» и «для культурной антропологии это всегда только часть более сложных социальных действий, систем, событий, структур и практик, которые в той или иной степени необходимо принимать во внимание при репрезентации наших исследовательских находок». Вопрос заключается в том, каким образом мы, те, кто считает себя этнографами или антропологами, принимаем их во внимание в наших исследованиях, какие методы используем. С 2020 г. мы в Лаборатории антропологической лингвистики периодически проводим обзоры ведущих зарубежных журналов по антропологии в поисках проблематики «языка и культуры». Мы обнаружили, что хотя антропологи постоянно работают с языковыми явлениями, они редко считают нужным применять специальную методологию для их интерпретации и пишут о «дискурсе» или «нарративе», как если бы это были слова обыденного языка, а не аналитические инструменты. В наших вопросах мы назвали это жаргонизацией и интерпретировали как процесс интеграции лингвистической антропологии в западный антропологический проект. В то же время в титульном журнале “*Journal of Linguistic Anthropology*” методы предельно эксплицированы и существует дежурный набор терминов, которые путешествуют от статьи к статье, но почти не встречаются в других антропологических журналах (например, *indexicality*, *enregisterment*, *metapragmatics*). Это создает впечатление определенного эзотеризма лингвистической антропологии как отдельного направления на фоне западной антропологической науки. В нашей дискуссии по понятным причинам приняли участие те исследователи, которые так или иначе задумывались о методах работы с языком и слова «дискурс» и «нарратив» в простоте не употребляют. Но в получившемся разбросе позиций по отношению к культурным аспектам коммуникации в разных дисциплинах выделяются отчетливые центр и периферия, и критерий здесь — тоже своего рода методологическая уверенность с оттенком знания для посвященных.

В центре можно поместить лингвистику: именно лингвисты дали самые краткие ответы на наши вопросы, потому, видимо, что для них исследование языка — это профессия, они чувствуют себя уверенно и наедине с «невыразимым», и в разнообразных ситуациях перевода. Их дисциплина дает им все необходимые инструменты для работы с этими проблемами коммуникации, настолько очевидные, что их достаточно только упомянуть, не вдаваясь в подробности. Понятно, что и вопросы о социальных и культурных измерениях языка лингвисты поставили значительно раньше антропологов, о чем напоминает нам Е.Е. Левкиевская. Добавим, что, работая не только с языком,

но и с культурными и общественными процессами, нужды в дополнительных, лингвистических инструментах для их анализа они, похоже, не испытывают. Чем дальше от лингвистического ядра, тем больше вопросов, сомнений и поисков и тем скуднее инструментарий. К периферии стремятся история и социология. У края ойкумены можно наблюдать разнообразие траекторий исследовательского поиска, которые в целом сводятся к анализу дискурса по Мишелю Фуко. Поближе к центру этнография / антропология, фольклористика, этнолингвистика. Ближе всего к центру с его полной методологической определенностью — социоллингвистика и разговорный анализ.

2

Вопрос о перспективах исследования противоречивого, двусмысленного, неоднородного в социальной жизни в известном смысле наследует традиции «антропологического подозрения». Антропология как эмпирическая дисциплина, несмотря на все чаще звучащие призывы принять *всерьез* локальные интерпретации, теории, онтологии и пр., в своих эпистемологических основаниях продолжает опираться на убеждение, что у всего сказанного можно и даже необходимо обнаружить «второе дно». Будущих этнографов учат пристально следить за противоречиями между словом и делом, дискурсом и практикой. Притом подобные противоречия и несогласованность доступны исследователю не только в сопоставлении высказываний с конкретной (неречевой) деятельностью представителей изучаемых сообществ, но и в наблюдении за формами организации самих высказываний. Ряд исследователей, работая на пересечении социальной и лингвистической антропологии, показывают, как эта проблематика может быть рассмотрена на материалах пунктирной, прерывистой речи, полной социально значимых лагун, тропов, намеков и отсылок к тому, что не должно быть сказано напрямую (см., например: [Basso 1970; Fernandez, Huber 2001; Lambek, Antze 2003; Fleming, Lempert 2011]).

Антропологи и авторы реплик, где в той или иной мере затронут вопрос о невыразимом или невыраженном, сходятся во мнении, что работать с таким материалом непросто. Впрочем, как нам своевременно напоминают Сергей Штырков и Дмитрий Колядов, с интерпретацией, казалось бы, прямых и прозрачных высказываний у исследователей проблем не меньше (в особенности если рассуждать об этом в русле пресловутой антропологии подозрения). Не случайно некоторые авторы реплик ссылаются на работы представителей прагматической традиции Джона Остина и Джона Серля. Большинство речевых высказываний не сводимы к логическим пропозициям и соответственно не могут оцениваться в терминах противоречий или истинности / ложности, а их функционал может выходить за рамки трактовок, лежащих на поверхности. Более того, здесь неиз-

бежно встают и дополнительные вопросы: что позволяет нам (антропологам и носителям языка) опознавать высказывание как двусмысленное или, наоборот, однозначное? Как мы отличаем иронию и серьезность, умолчания и особенности коммуникативного стиля человека? Так, Дмитрий Колядов и Анна Алтухова отказываются признавать эпистемологические привычки антропологов к подозрению самоочевидными и предлагают проблематизировать сами аналитические процедуры распознавания смыслов, стоящих за словами или их отсутствием. «Что именно побуждает меня к тому, чтобы увидеть в конкретном случае за сказанным или написанным нечто иное?» (Дмитрий Колядов), «что здесь является “материалом”, помимо моих собственных замешательства и беспокойства, и не затмевают ли они для меня самые важные аспекты моего взаимодействия с разными собеседниками?» (Анна Алтухова).

Любопытна в этой связи перспектива конверсационного анализа, которую представляют в своей реплике Мария Ерофеева и Михаил Белов. Методологический аппарат этого направления «заточен» под анализ тех «свернутых» значений речевых действий, которые обыкновенно остаются за рамками рефлексивного осознания говорящих или же предстают в их рефлексии в неполном, усеченном виде. То, что не может быть выражено и сформулировано словами, конверсационный анализ предлагает увидеть на микроуровне взаимодействия, в тех практиках, которые это взаимодействие составляют (здесь, вновь обращаясь к реплике Дмитрия Колядова, уместно вспомнить обозначение прагматики как *науки о несказанном*: [Levinson 2005: 433]). При этом конверсационный анализ занимает жесткую методологическую позицию: исследователь имеет право предлагать собственные интерпретации наблюдаемому только в пределах локального контекста коммуникации, не принимая во внимание культурный фон. Этнографические методы предоставляют большой простор для аналитического творчества и, как замечают некоторые авторы реплик, могут быть плодотворно использованы в союзе с конверсаналитическими (Екатерина Руднева, Дмитрий Колядов). Антропологи, к сожалению, нечасто пользуются техниками конверсационного анализа. Но имеющиеся редкие примеры показывают, что с их помощью вполне возможно извлекать культурную информацию из коммуникативного взаимодействия [Moerman 1988; Besnier 1989].

В обсуждении вопроса о противоречивом социальном (и соответственно речевом) поведении наших собеседников в поле важно, как мы полагаем, учитывать несколько обстоятельств. То, что представляет аналитическую проблему для исследователя, для самих людей, жизнь которых он или она изучает, может быть вовсе не проблематичным (как в некоторых случаях

так называемого религиозного синкретизма) или же составлять проблему практическую (пример чего приводит в своей реплике Анна Алтухова), этическую, а порой и бюрократическую (о чем пишет Никита Шевченко). На этическое измерение в исследовании противоречий обращает внимание антрополог Майкл Ламбек в рамках тематической дискуссии в журнале “NAU: Journal of Ethnographic Theory”, которую мы цитируем во введении к этому «Форуму». Он отмечает, что не только зазор между тем, что «люди говорят, что делают», и тем, что они делают в действительности, должен быть помещен в фокус исследовательского внимания. Не менее важно наблюдать, в каких отношениях оказываются утверждения о том, как поступает конкретный человек и как человек абстрактный должен поступать в принципе [Berliner et al. 2016: 6]. Здесь возникает особое созвучие между антропологией морали и лингвистической антропологией, отчетливо слышимое в ряде реплик нашего «Форума». Так, рассматриваемые в «Форуме» сюжеты затрагивают не только собственно речевые практики (конкретные реализации речевых табу (Светлана Королёва, Александра Дугушина), иронии (Полина Улановская, Ксения Полесская) и пр.), но и метапрагматические лозунги и языковые идеологии, крепко связывающие язык и мораль (Сергей Штырков, Никита Шевченко).

Яркий пример таких идеологий — представления об искренности, во-первых, требующие от субъекта полного и непротиворечивого соответствия внутренних состояний и внешних действий (прежде всего речи), а во-вторых, обязующие эти внутренние состояния с завидной регулярностью выражать, т.е. ничего не утаивать (см. подробнее: [Keane 2002]). Акцент на противоречиях, которые характерны для любого социального поведения, ставит под вопрос модерную концепцию гомогенной непротиворечивой стабильной личности [Berliner et al. 2016: 5]. Другой вариант — заявления, согласно которым те или иные фрагменты реальности или личного опыта человека обладают настолько особым статусом, что не могут быть отражены в словах, во всяком случае в словах обыденного языка. Некоторые авторы подходят к подобным метапрагматическим утверждениям критически. «Когда кому-то (в первую голову мне) отказывают в способности что-то постигнуть, мы имеем дело с простой ситуацией: то, что объявляется недоступным нашему разумению, являет собой какую-то пустоту, но пустоту социально важную. Другими словами, когда мы слышим фразу “вам этого не понять”, говорящие нас просто мистифицируют, а себе одновременно рассказывают о каких-то основах собственной идентичности», — пишет Сергей Штырков. Добавим, что они заодно рассказывают еще и о себе как о моральном субъекте.

Таким образом, мы оказываемся в двоякой ситуации. С одной стороны, мы предполагаем, что за самоцензурой, умолчаниями, недосказанностью кроется что-то очень важное для понимания интересующих нас социальных феноменов, и, как остроумно подмечает Алишер Шарипов, перефразируя строки известной композиции, «чувствуем сквозняк оттого, что это место свободно». С другой же стороны, нам все время следует помнить, что рассказы о том, как что-то не может быть выражено словами, остаются лишь рассказами, призванными, возможно, повысить авторитет говорящего в глазах исследователя или особым образом фреймировать сам разговор, а не сообщить нам об особых непостижимых обывателем значениях действий и слов.

Когда же мы соглашаемся с нашими собеседниками в том, что нечто важное выражено словами быть не может и даже не должно, а также сохраняем их «право на непрозрачность», о котором пишут Лаура Сирагуза и Анна Алтухова, то это делает и нашу этнографию прерывистой, полной намеков, пропусков и недосказанности. Возможно, это и к лучшему. Как бы то ни было, все вышесказанное имеет отношение не только к эпистемологическим, но и к методологическим основаниям нашей дисциплины. Авторы реплик «Форума» убедительно показывают, как пустоты и разнообразные экивоки становятся катализатором дальнейшей исследовательской работы.

3

Формулируя следующий вопрос, мы руководствовались наблюдениями о росте популярности понятия «перевод» в русскоязычных антропологических текстах, не говоря уже о том, что именно трудности перевода с языков Тробрианских островов на английский натолкнули Бронислава Малиновского на мысль о неразрывной связи языка и культуры и вдохновили его на статью, столетию со дня публикации которой посвящен этот «Форум». Малиновский, однако, не подвергал критическому осмыслению само понятие перевода. Создается впечатление, что и до сих пор зачастую оказывается достаточным лишь указание на факт перевода тех или иных слов, выражений, образцов или практик на язык той или иной институции, направления, традиции, для того чтобы читатель сразу же понял, о чем идет речь, и не нуждался в специальных комментариях. В самом деле, утверждение, что эффективная коммуникация между людьми или социальными институтами была бы невозможна без вездесущих процессов перевода, можно смело причислять к порядку здравого смысла, во всяком случае здравого смысла нашей дисциплины. Более того, нельзя не отметить, так сказать, поэтическую функцию этой метафоры. Ирина Прус тонко подмечает, что использование понятия перевода в антропологическом рассуждении — это «элегантный способ определить исследовательский сюжет, задать для тех, с кем мы дискутируем

или кто нас читает, понятную рамку». Между тем, нам казалось, что это допущение чревато двусмысленностями. Поэтому мы предложили авторам поразмышлять, в каких контекстах оказывается уместна работа с понятием перевода и каким образом она становится возможна. Ответов на этот вопрос поступило сравнительно мало. Мы можем лишь предполагать, чем это обусловлено: самоочевидностью методологии исследования подобных процессов для лингвистики и этнолингвистики, недостаточно специфичной формулировкой нашего вопроса, невысокой эвристической ценностью метафоры «перевода» для антропологов, участвующих в «Форуме», или же проблемой самого перевода понятия, в традиционном своем значении сфокусированного на языковом материале, в зыбкую область социальных наук.

Вопрос определения и исследования процессов перевода обнаруживает весьма четкую границу между подходами лингвистическим и антропологическим. В традиционной семиотике и лингвистике перевод определяется как частный случай интерпретации (в терминах Чарльза Пирса), стремящейся к некоей содержательной эквивалентности по отношению к «оригиналу». При этом в основе теории перевода, сформулированной с позиции структурной лингвистики, лежит такая онтология языка, которая предполагает, что границы между языками или знаковыми системами существуют до непосредственного акта перевода (в схожем ключе формулируют определение перевода М.А. Кронгауз и Е.Е. Левкиевская). Антропологи смотрят на это несколько иначе. Как отмечает Сьюзан Гэл, денотация и референция основываются не на каком-то особом (и, нужно добавить, априорном) соответствии слов миру, как будто изолированном от человека, а на «социолингвистическом разделении труда», в рамках которого одним людям приписывается авторитет установления семиотических связей, а другим предписывается следовать за первыми [Gal 2015: 233]. Что же касается перевода, антропологов интересуют не собственно процессы перекодирования и возможности достижения наибольшего семантического и поэтического сходства между исходным «текстом» и «текстом» перевода, а социальные отношения, стоящие за этими процессами. Иными словами, в антропологической перспективе перевод рассматривается в первую очередь как эмная категория, а результат перевода — не как объективно оцениваемые данные, лежащие в области пропозиционального содержания, но как предмет рефлексии, обсуждения и договоренностей представителей изучаемых культур, как то, что определяется местными представлениями о языке, значении и авторитете. Кроме того, антропологический подход предполагает, что перевод затрагивает не только элементы различных семио-

тических систем, но и идеи, ценности, культурные практики, артефакты и т.д. [Hanks, Severi 2014].

В методологическом плане сама антропологическая наука традиционно опиралась на практики перевода с языка изучаемых народов на язык академической науки (т.е. на языки колонизаторов). В свое время это обстоятельство стало важным элементом дискуссии в рамках постмодернистской и постколониальной рефлексии об этнографической работе [Asad 1986; Clifford 1997; Viveiros de Castro 2004]. Тем острее звучит критика в реплике Е.В. Головки, отмечающего, что советские этнографы редко проводили полевую работу на языке изучаемой культуры и в своей коммуникации с информантами в основном полагались лишь на русский язык, а в случае затруднений просто обращались к переводчикам: «В полном соответствии с доминировавшими представлениями того времени язык понимался всего лишь как средство передачи “мыслей” из одной головы в другую». Такое положение дел в советской этнографии не только отражает особое понимание онтологии языка и ее связи с культурой, на что справедливо указывает автор реплики, но и ставит вопрос о политике перевода, т.е. об отношениях иерархии, гегемонии и доминирования (см. подробнее: [Rubel, Rosman 2003]). Помимо очевидной трактовки перевода как инструмента эксплуатации, могут быть и альтернативные интерпретации (впрочем, как кажется, менее востребованные у нашего брата-антрополога), которые, напротив, рассматривают антропологический перевод как способ узаконить разнообразие, «дать голос», легитимировать «иное» не-западное в глазах представителей глобального Севера и тем самым расшатать иерархические структуры, колониальные привычки и, шире, представления о нормальном (Сергей Штырков, Анна Алтухова). Также, напоминая в своей реплике Никита Шевченко, некоторые исследователи склонны трактовать перевод как демократическое пространство диалога и возможностей для симбиоза и сотрудничества.

Все это снова подводит нас к следующему простому соображению: практики и контексты перевода невозможно продуктивно изучать без учета языковых идеологий — как самих «переводчиков», так и исследователей, предлагающих свои теории и интерпретации. Пример подобных «идеологий перевода» можно найти в реплике Сергея Штыркова, который комментирует споры о переводимости в осетинских этнотрадиционалистских проектах: «Первая требует от своих исполнителей того, чтобы всё важное было переведено, а вторая — чтобы это важное было оставлено без перевода, т.е. на языке оригинала». Здесь можно усмотреть (вечное?) противостояние двух типов осмысления языка, распространенных в западных обществах. Один из них —

идеология аутентичности. В этом случае язык осмысливается как выразитель уникальных мыслей и внутренних состояний субъекта или же сущности какой-то социальной группы. Другая — идеология анонимности, в рамках которой язык рассматривается как нейтральная среда, ни от кого не зависящая, но доступная каждому. В основе первой, как пишут лингвистические антропологи Сьюзан Гэл и Кэтрин Вуллард, лежит социальная индексальность (языковая форма отсылает к свойствам личности, чаще — к свойствам социальной группы) и иконичность. Основу второй составляет свойство референциальности, т.е. акцент делается именно на содержании и его доступности для широкой публики [Gal, Woolard 2001].

Можно легко представить себе и ситуацию, когда антрополог определяет конкретные дискурсивные процессы как перевод и вдумчиво комментирует их в своих статьях, в то время как сами участники этих процессов никаким переводом их не считают, а полагают обсуждаемые смыслы, идеи и понятия своими родными. Здесь неизбежно встает вопрос к антропологу, на каких основаниях перевод из одной смысловой системы в другую может определяться в качестве такового и не приводит ли использование обсуждаемой метафоры к натурализации границ между ними. В каком-то смысле и этот «Форум» можно считать попыткой перевода понятий и методов лингвистической антропологии в российский научный контекст. Такой перевод неизбежно бы исходил из предположения о существовании границ, разделяющих дисциплинарные ведомства и исследовательские традиции. Но разве не создаются эти границы именно в ходе самого перевода?

4

Спектр цитируемых авторов в ответах показывает, что собственно российская традиция исследований языка и культуры сохраняется одна, и это школа этнолингвистики, основанная Н.И. Толстым, которая, применяя структурно-семиотический метод, в том числе к устной речи, реконструирует «словарь» обобщенной древней славянской культуры. В этом Россия остается частью европейской научной традиции с ее проистекающим из национальных филологий интересом к локальным культурным древностям. В диалоге с этой школой находятся фольклористы, но, когда возникает необходимость анализировать современное бытование фольклора и его связь с речевым и практическим контекстом, они обращаются в основном к западным работам по анализу дискурса, лингвистической прагматике, философии языка.

Антропологи / этнографы, работающие с языком, так или иначе изучают связь языка и политики. Это может быть вовлеченность языка в политические процессы национального строи-

тельства на том или ином уровне (Марина Мартынова, Лаура Сирагуза, Ленора Гренобль, Сергей Штырков). Или локальные речевые взаимодействия, которые производят (или снимают) неравенство (Анна Алтухова, Алишер Шарипов), воспроизводят или трансформируют социальный порядок (Нэнси Рис) или стремятся это сделать (Ирина Прус). Внимание к контекстам высказываний позволяет смотреть не на содержание слов, а на их эффект и, в частности, производство определенных сред взаимодействия со своими правилами, будь то уголок цифровой платформы (Ирина Прус) или церковная проповедь (Сергей Штырков). А речь, понятая как социальное действие, производящее эффекты, т.е. меняющее мир, — это по определению политическое явление. Авторы этих реплик неизменно ссылаются на зарубежную и в основном англоязычную литературу. С одной стороны, таким образом складывается общее поле теоретических дискуссий, где снимаются национальные и языковые границы, и это заметно даже в пределах нашего «Форума», где есть трое зарубежных участников. С другой стороны, как мы упоминали в вопросах к «Форуму», в западной антропологии на концептуализацию политического измерения речи оказали серьезное влияние русскоязычные теоретики (М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов). Получается, что теперь они возвращаются в российскую науку в переведенном и сильно переработанном виде. А.В. Давыдов напоминает об остроумном и весьма правдоподобном объяснении, которое предложил этому парадоксу В.М. Алпатов: перевод повысил однозначность, четкость и последовательность расплывчатой терминологии этих мыслителей [Алпатов 2005: 185]. Кроме того, французские и английские переводчики через выбор тех или иных вариантов перевода (например, *discourse* для «слово») построили эти тексты в актуальные на западе теоретические дебаты 1960–1970-х гг., как раз в эпоху «поворота к языку» во многих гуманитарных дисциплинах в связи с подъемом структуралистской и постструктуралистской философии. История российских социальных и гуманитарных наук иная, и, судя по репликам нашего «Форума», «академических прадедов» помнят и чтут, но к их наследию не обращаются.

5

Отдельной строкой хочется выделить ответы нынешних аспирантов — антропологов (Ирина Прус, Никита Шевченко) и историка (Роман Петров). Интенсивные поиски на фоне разных образовательных траекторий приводят молодых исследователей подчас к неожиданным и интересным сочетаниям идей и методов для решения все тех же проблем связи языка и культуры: социологические теории Джеффри Александера, Роджерса Брубейкера (Ирина Прус), Люка Болтански и Лорана Тевено (Никита Шевченко), Кембриджская школа истории

понятий (Роман Петров). Нетривиальные методологические сочетания способны приводить к большим научным прорывам и подчас ложатся в основу новых школ. Об этом напоминает С.Ю. Королёва: ученые, чьи идеи формировали новые направления, игнорировали границы дисциплин (К.В. Чистов, П.Г. Богатырев, Б.Н. Путилов, В.Я. Пропп — все свободно сочетали фольклористику и этнографию). Но для аспиранта это зачастую означает проблемы с дисциплинарной принадлежностью, а значит с формальной стороной защиты диссертации. Институциональное устройство современной российской науки не предлагает готовой ячейки исследователям, которые хотели бы изучать культуру или общество через коммуникативные явления. В диссертационном совете по филологии потребуют больше лингвистики или литературоведения, по истории (в случае этнографов) пожурят за неэтнографические методы. О советских корнях такого положения дел подробно пишет Е.В. Головкин: «Языки и вся сопутствующая теория изучались на филологических факультетах университетов, при этом в филфаковских программах обучения не было ничего, хоть как-то соотносящегося с этнографией. Этнография же вообще была чем-то не вполне самостоятельным: она шла по разряду исторических дисциплин».

Отвечая на вопрос о преподавании лингвистических дисциплин этнографам, авторы реплик мечтают о широком спектре курсов о языке для всех гуманитарных (и не только) специальностей (Лаура Сирагуза, Елена Левкиевская, Александр Новик) и даже о полной ликвидации дисциплинарных границ и формировании общей области гуманитарного знания, где студент бы сам определял свою траекторию (Роман Петров). В реальности же складывается впечатление, что курсы о языке и культуре пока преподаются в российских вузах главным образом на уровне магистратуры, не ниже, т.е. только тем студентам, которые выбрали более глубокую специализацию и готовятся к научной карьере. В результате подчас эти курсы превращаются в «лингвистический ликбез» (Артем Давыдов). В то же время, как замечает М.А. Кронгауз, «преподавание лингвистических курсов гуманитариям (и не только им) возможно, если мы не преподаем результаты высокой лингвистической науки, а вместе со студентами рассуждаем о языке и коммуникации, о тех аспектах, которые в той или иной степени касаются всех». Мы видим здесь большой потенциал и сильное место лингвистической антропологии: рассматривая язык как действие и приспособляя аналитические инструменты лингвистики для понимания взаимодействий между людьми, она способна посредничать между лингвистикой и науками о культуре и преодолевать эзотеризм «чистой» лингвистики как в области тер-

минологии, так и в области постановки исследовательских задач.

Мы благодарны всем участникам «Форума». На наш взгляд, состоявшаяся дискуссия не только очертила контуры лингвистической антропологии в современной российской версии, но и показала, что за этим названием скрывается больше, чем затяжной спор об этикетках (лингвистическая антропология или антропологическая лингвистика?) и извечная хрестоматия Алессандро Дуранти. Эта область, где встречаются антропология и лингвистика, чтобы понять, как люди пользуются языком, живет, развивается и предлагает рабочие инструменты, полезные любому социальному исследователю.

Библиография

- Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки русской культуры, 2005. 432 с.
- Asad T.* The Concept of Cultural Translation in British Social Anthropology // Clifford J., Marcus G.E. (eds.). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA; Los Angeles; L.: University of California Press, 1986. P. 141–164.
- Basso K.* “To Give up on Words”: Silence in Western Apache Culture // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1970. Vol. 26. No. 3. P. 213–230. doi: 10.1086/soutjanth.26.3.3629378.
- Berliner D., Lambek M., Shweder R., Irvine R., Piette A.* Anthropology and the Study of Contradictions // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 1–27. doi: 10.14318/hau6.1.002.
- Besnier N.* Information Withholding as a Manipulative and Collusive Strategy in Nukulaelae Gossip // *Language in Society*. 1989. Vol. 18. No. 3. P. 315–341. doi: 10.1017/S0047404500013634.
- Clifford J.* *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 416 p.
- Fernandez J., Huber M.T.* (eds.). *Irony in Action: Anthropology, Practice, and the Moral Imagination*. Chicago, IL; L.: University of Chicago Press, 2001. VIII+280 p.
- Fleming L., Lempert M.* Introduction: Beyond Bad Words // *Anthropological Quarterly*. 2011. Vol. 84. No. 1. P. 5–13. doi: 10.1353/anq.2011.0008.
- Gal S.* Politics of Translation // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. P. 225–240. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-013806.
- Gal S., Woolard K.A.* Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // Gal S., Woolard K.A. (eds.). *Languages and Publics: The Making of Authority*. Manchester: St. Jerome, 2001. P. 1–12.
- Hanks W.F., Severi C.* Translating Worlds: The Epistemological Space of Translation // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 1–16. doi: 10.14318/hau4.2.001.
- Keane W.* Sincerity, “Modernity”, and the Protestants // *Cultural Anthropology*. 2002. Vol. 17. No. 1. P. 65–92. doi: 10.1525/can.2002.17.1.65.

- Lambek M., Antze P.* (eds.). *Illness and Irony: On the Ambiguity of Suffering in Culture*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2003. 160 p.
- Levinson S.C.* *Living with Manny's Dangerous Idea // Discourse Studies*. 2005. Vol. 7. No. 4–5. P. 431–453. doi: 10.1177/1461445605054401.
- Moerman M.* *Talking Culture: Ethnography and Conversation Analysis*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1988. XIII+211 p.
- Rubel P.G., Rosman A.* *Introduction: Translation and Anthropology // Rubel P.G., Rosman A. (eds.). Translating Cultures: Perspectives on Translation and Anthropology*. Oxford; N.Y.: Berg, 2003. P. 1–22.
- Viveiros de Castro E.* *Perspectival Anthropology and the Method of Controlled Equivocation // Tipiti: Journal of the Society for the Anthropology of Lowland South America*. 2004. Vol. 2. No. 1. P. 3–22.

Linguistic Anthropology in Russian Translation (Afterword to the discussion)

Ekaterina Khonineva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
ekhonineva@eu.spb.ru

Alexandra Kasatkina

National Research University “Higher School of Economics”
16 Soyuza Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
alexkasatkina@gmail.com

The article presents the results of the Forum “Linguistic Anthropology”, dedicated to the current state of language and culture studies in Russia. It is obvious that the transfer of an interdisciplinary field called «Linguistic Anthropology» to Russian science and education is already underway. At the same time, as the discussion shows, a Russian version of this area is organized around several points of attraction: Western literature on language and culture and language and politics, the theory and methods of linguistics, sociolinguistics, conversational analysis and discourse analysis, and the Russian school of ethnolinguistics. An intriguing methodological problem at the intersection of anthropology and linguistics is dealing with the unspoken, the ambiguous and the ironic. The participants in the discussion ask critical questions both of the grounds on which the researcher recognizes gaps and ambiguities, and of the goals of her interlocutors when they indicate that certain meanings cannot

be expressed. Reflecting on the analytical potential of the metaphor of translation (another point where language and culture meet), the Forum participants talk about its political underpinnings: translation can both establish hierarchical relationships and create a space for cooperation. The discussion showed that the translation of American linguistic anthropology into Russian academic reality can create a space for dialogue both between disciplines and between researchers from different countries. The union of anthropology and linguistics offers relevant tools that are in demand not only among anthropologists and ethnographers, but also among historians, sociologists and other researchers who seek to understand social reality.

Keywords: linguistic anthropology, ethnolinguistics, history of science, irony, translation, language and culture, language ideologies.

References

- Alpatov V. M., *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2005, 432 pp. (In Russian).
- Asad T., 'The Concept of Cultural Translation in British Social Anthropology', Clifford J., Marcus G. E. (eds.), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA; Los Angeles; London: University of California Press, 1986, pp. 141–164.
- Basso K., "'To Give up on Words": Silence in Western Apache Culture', *Southwestern Journal of Anthropology*, 1970, vol. 26, no. 3, pp. 213–230. doi: 10.1086/soutjanth.26.3.3629378.
- Berliner D., Lambek M., Shweder R., Irvine R., Piette A., 'Anthropology and the Study of Contradictions', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 1–27. doi: 10.14318/hau6.1.002.
- Besnier N., 'Information Withholding as a Manipulative and Collusive Strategy in Nukulaelae Gossip', *Language in Society*, 1989, vol. 18, no. 3, pp. 315–341. doi: 10.1017/S0047404500013634.
- Clifford J., *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997, 416 pp.
- Fernandez J., Huber M. T. (eds.), *Irony in Action: Anthropology, Practice, and the Moral Imagination*. Chicago, IL; London: University of Chicago Press, 2001, VIII+280 pp.
- Fleming L., Lempert M., 'Introduction: Beyond Bad Words', *Anthropological Quarterly*, 2011, vol. 84, no. 1, pp. 5–13. doi: 10.1353/anq.2011.0008.
- Gal S., 'Politics of Translation', *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, pp. 225–240. doi: 10.1146/annurev-anthro-102214-013806.
- Gal S., Woolard K. A., 'Constructing Languages and Publics: Authority and Representation', Gal S., Woolard K. A. (eds.), *Languages and Publics: The Making of Authority*. Manchester: St. Jerome, 2001, pp. 1–12.
- Hanks W. F., Severi C., 'Translating Worlds: The Epistemological Space of Translation', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2014, vol. 4, no. 2, pp. 1–16. doi: 10.14318/hau4.2.001.

- Keane W., 'Sincerity, 'Modernity,' and the Protestants', *Cultural Anthropology*, 2002, vol. 17, no. 1, pp. 65–92. doi: 10.1525/can.2002.17.1.65.
- Lambek M., Antze P. (eds.), *Illness and Irony: On the Ambiguity of Suffering in Culture*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2003, 160 pp.
- Levinson S. C., 'Living with Manny's Dangerous Idea', *Discourse Studies*, 2005, vol. 7, no. 4–5, pp. 431–453. doi: 10.1177/1461445605054401.
- Moerman M., *Talking Culture: Ethnography and Conversation Analysis*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1988, XIII+211 pp.
- Rubel P. G., Rosman A., 'Introduction: Translation and Anthropology', Rubel P. G., Rosman A. (eds.), *Translating Cultures: Perspectives on Translation and Anthropology*. Oxford; New York: Berg, 2003, pp. 1–22.
- Viveiros de Castro E., 'Perspectival Anthropology and the Method of Controlled Equivocation', *Tipiti: Journal of the Society for the Anthropology of Lowland South America*, 2004, vol. 2, no. 1, pp. 3–22.